

Село под названием Деревни

МАЛАЯ РОДИНА

В редакцию пришло письмо из далекого города Уссурийска Приморского края. Уроженец Ярославской земли Николай Иванович Леонов пишет о родном селе. Он уехал из него в 1943 году, несколько последних лет приезжает сюда каждый год и чувствует, что неразрывно связан со всем, что происходило здесь и происходит.

РОДНАЯ СТОРОНА

Когда я выхожу из автобуса, проходящего по трассе Москва – Ярославль, передо мною с холма открывается чудесная, неповторимая панорама родного села Деревни. Привольно разместились дома красиво вписываются в междуречье Сары и Кости. По берегам обеих рек – заливные луга, богатые разнотравьем.

По правому берегу Сары протянулись перелески Поддубинка и Елоферово. В шестидесятые-семидесятые годы лес был раскорчеван и превращен в мелиоративное поле. Сейчас оно не обрабатывается и стало вновь прорастать кустарником.

И все же больше всего меня привлекают в родных местах люди, мои односельчане, хотя тех, кто родился в селе в довоенные и первые послевоенные годы, осталось очень немного, тем более тех, кто живет там постоянно. Немало домов стоят пустыми, часть из них купили дачники из Ростова Великого и Ярославля.

ЦЕРКОВЬ

В центре нашего села, на берегу реки Кости в 1796 году была воздвигнута церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы и в том же году освящена. Крестьяне любили и восторгались ею и шли туда с благоговением – помолиться и попросить Бога об отпущении грехов.

В 1936 году церковь была закрыта, и с нее варварски сбросили колокола. Это произошло на глазах собравшихся возмущенных сельчан, среди них были и мы – дети.

Меня весьма удручает то, что места, выделенные когда-то для захоронения почетных граждан села, тоже уже не существуют. Могилы находились с лицевой стороны храма. Помню памятник из мрамора на могиле купца Макарычева, выходца из крестьян нашего села. Но нашлись подростки и даже взрослые парни, которые опрокидывали памятники, раскалывали их камнями и железом. Когда старушка, проходившая мимо, запричитала, что же они делают и зачем, в ответ прозвучало: «Они же не наши, они были богатыми».

В послевоенные десятилетия на церковь надвинулась новая беда: нашлись люди, которые стали разбирать ее с тыльной стороны по кирпичику. Возникла опасность обрушения колокольни прямо на могилы. На восстановление церкви нет никаких надежд.

Последним священником у нас на протяжении почти пятидесяти лет был Сергей Ушаков. Он умер незадолго до Великой Отечественной войны, его жена – после Победы. Добротный их дом был конфискован еще в начале тридцатых годов. В нем располагался сельский совет, потом детский сад. В годы войны – начальная школа. Одно время там находился клуб, затем совхозная контора. Цел старейший дом священника и сейчас. его пытается возродить фермер, приехавший в село с Кавказа.

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

В начале тридцатых годов единоличные крестьянские хозяйства нашего села оставались еще довольно крепкими. Хозяева – в основном середняки, высоко зажиточных, кулацких хозяйств не было. Многие получали хорошие урожаи зерновых, картофеля, овощей, имели лошадей, продуктивных коров, овец, свиней, гусей, кур. В трех километрах от села, в поселке Петровск, находился большой рынок, где наши крестьяне продавали излишки. Естественно, многие были при деньгах, что позволяло улучшать хозяйство, одевать и обувать детей и всю семью, справлять свадьбы, строить новые дома.

К каждому крестьянскому дому вплотную примыкал двор, за ним сразу начинался огород, опоясанный высоким частоколом. Далее размещался гуменик (луг), потом пахотная земля, на ней садили картофель, капусту, брюкву, турнепс. В конце усадьбы находились рига и лабаз.

Основную же пахотную землю каждая семья имела в наделах общины вокруг села. Там, конечно, чересполосица. Находились критики сверху на сей счет, но крестьянам, как говорится, от того ни холодно, ни жарко, им так было удобно. Впрочем, и мне, тогда мальчишке восьми лет, интересно и радостно было видеть рядом и полоску цветущего клевера, и полоску ржи с васильками, и полоску картофеля, и грядку белого гороха.

К любой работе крестьянин тогда относился с любовью. Он жил, чтобы работать, и работал, чтобы жить. Да, это было нелегко, особенно в пору сенокоса и уборки урожая. Вставали в три-четыре часа утра и шли косить траву в луга. В сумерках возвращались.

Но не хлебом единым жив человек, в свой черед наступали и праздники: Святое Христово Воскресение, Пасха Господня, Успение Пресвятой Богородицы. Самым раздольным и веселым был Успенев День. После церковных ритуалов, часам к одиннадцати-двенадцати приезжали гости из других сел и деревень, начиналось праздничное застолье.

После и стар, и млад шли к месту гуляния молодежи, называемому в нашей местности «беседой», где отплясывались лихие кадрили, распевались песни, звучали частушки.

Среди подвыпивших парней иногда возникали драки. Дрались в основном кулаками, но иногда в ход шли палки и колья.

КОЛХОЗ «КРАСНЫЙ ОСТРОВ»

С осени 1933 года у нас начали создавать колхоз. В селе появился уполномоченный из Ростова Великого Н. И. Паникаров. Он ночевал и питался у моей родной тети Евдокии Семеновны Куликовой. На меня он произвел благоприятное впечатление: активный, жизнерадостный, серьезный, с открытым волевым лицом и высокой копной волос. Но некоторые сельчане, почувствовав, видно, неладное, стали продавать свои дома и уезжать – в основном в города

Московской, Ярославской и Владимирской областей. Выехали из села две семьи Неумычевых, две семьи Макарычевых, семья Николая Базанова, Федора Леонова, Николая Коромыслова, семья Евстифеева (единственного коммуниста в селе в те годы) и другие.

Мои родители поступили иначе. Они тогда жили в ближнем Подмоскovie на станции Перловская. Узнав про колхоз, решили

работать? За трудодни-палочки? Помимо всего на колхозников давило теперь бремя налогов, поставок государству мяса, молока, шерсти и прочего. В дома зачастили агенты по выбиванию недоимок.

А жить на что-то надо. Мужчины стали искать работу в районном центре. Появились, как тогда называли, отходники: Константин Опарин стал железнодорожником

новой конюшни. Колхозники нашли нестандартный выход: обучили и стали использовать на перевозке грузов коров. Лучше всех удавалось работать на корове Евдокии Кочневой.

В начале сентября сорок первого года в наши места стали прорываться отдельные фашистские самолеты. Они бомбили железнодорожные станции и поезда. Никогда не забуду первый налет на

ми, изможденными до последней степени. Все они лежали на грязном полу и казались неживыми, если бы не редкие стоны, которые иногда раздавались. В зале невозможно было дышать. Пораженный увиденным, я выскочил на улицу. Здесь я узнал, что это эвакуированные из Ленинграда. Такова была жуткая правда войны.

Наконец, пришел День Победы. Из ушедших на фронт из села Деревни не вернулся 31 человек, больше половины.

УГАСШИЙ «ЛУЧ КОММУНИЗМА»

В послевоенные годы на протяжении более полувека я часто приезжал в родное село. Всегда было интересно узнать, что там в колхозе, потом совхозе и, наконец, опытно-производственном хозяйстве «Луч коммунизма».

Последнее громкое название пришло сверху, не от наших сельчан, но они не были против. Многим тогда грезились светлое будущее и желаемое охотно выдавалось за действительное. В целом хозяйство было средним, в отдельные годы поднималось до передовых в Ростовском районе. Иногда, например, урожайность зерновых доходила даже до 45 центнеров с гектара. Как на кубанской земле – и это в условиях черноземья!

С образованием опытно-производственного хозяйства в 1984 году дела пошли заметно в гору. В том году впервые за последние десять лет «Луч коммунизма» получил прибыль – 150 тысяч рублей от производства цикория, тогда это были немалые деньги.

Успешно шло строительство жилых домов. В перспективе намечалось построить поселок на 1200 жителей. Он должен был занять территорию от села Деревни до деревень Болотово и Зиновьево на протяжении двух километров. В реальности удалось построить немного, но все же в селе появились две новые улицы.

В девяностые годы хозяйство стало затухать и постепенно пришло в полный упадок. Помещения на производственных участках в животноводстве и полеводстве давно разрушены и растащены. Лет шесть назад сгорела контора. Особенно удручающее действовало на меня в один из приездов то, что был разрушен даже сельский клуб, а ведь его раньше посещали не только мои односельчане, но и молодежь из соседних деревень. Вскоре такая же участь постигла и детский сад.

В селе Деревни запустение. На одном из посадов шесть домов подряд уже нежилые. Около них растет высокая дикая трава. Теперь даже пенсионеров в селе осталось совсем немного. А вся молодежь с давних пор живет в городах. На полях – глухая стена бурьяна и кустарника. В общем, блеснувший в недалеком прошлом «Луч коммунизма» полностью погас.

Не так давно появился национальный проект по развитию АПК. На мой взгляд, он лишь частично может разрешить проблемы села. Упор в проекте делается на животноводство. А что же полеводство? А как привлечь молодежь? Мыслится, что само понятие «аграрно-промышленный комплекс» утратило свой смысл. Слишком много потеряно.

Села и деревни России требуют к себе душевного внимания. Тогда, может быть, они смогут – какой уже раз – возродиться.

Николай ЛЕОНОВ
г. Уссурийск

вернуться на родину, в село Деревни, тем более там у них был новый красивый дом. Отец – Иван Васильевич Леонов – уверовал, что жизнь сообразится, оттого ни холодно, ни жарко, им так было удобно. Впрочем, и мне, тогда мальчишке восьми лет, интересно и радостно было видеть рядом и полоску цветущего клевера, и полоску ржи с васильками, и полоску картофеля, и грядку белого гороха.

Создание коллективного хозяйства шло трудно. Уполномоченный и работники сельсовета приглашали народ на собрания, и все равно вначале вступали немногие. Но постепенно люди пошли, видимо, сознавая, что в единоличном хозяйстве им все равно работать не дадут.

На собрании, где официально было провозглашено создание колхоза, предложение назвать его «Красный остров» было принято. Во-первых, среди окружающих сел и деревень наш был тогда единственным и первым, во-вторых, он, находившийся между двух рек, и впрямь был похож на остров.

Председателем колхоза избрали Александра Арсентьевича Лебедева, которому тогда было 27 лет, бригадиром – 25-летнего Сергея Васильевича Куликова, счетоводом – 36-летнего Михаила Васильевича Кочнева. Вот и все руководящие работники. Остальные – рядовые колхозники. Так оставалось до пятидесятых годов, когда штаты управленцев в колхозах повсеместно стали безмерно раздуваться.

Работа поначалу пошла. Удалось построить конферму и молочно-товарную ферму. Кроме традиционных культур стали возделывать зеленый горошек и цикорий (у нас его называли золотой корешок).

Первый год-два сельчане работали с полным напряжением сил, стремясь заработать больше трудодней, а на них – продукции. Но как ни старались, результаты не соответствовали затраченному труду. Появилось немало недовольных. Мечты о кисельных берегах и манне небесной рушились, представления об изобилии колхозной жизни оказались призрачными. Вся основная продукция сдавалась государству.

Зароптали колхозники, на собраниях стоял шум, гам, доходило до криков душевных: «За что

на станции Петровск, Михаил Макарычев оставил свою никудышную избушку и переехал в железнодорожную будку, Иван Кирильничев сделался рабочим на шоссейной дороге, Иван Базанов устроился сплавщиком, Иван Леонов сначала поступил продавцом, потом бухгалтером, Андрей Малышев – возчиком в райпо. Всего за короткое время до 25 человек покинули колхоз. Власти вскоре закрыли эту лазейку. Были приняты законы, чтобы никто не мог выйти из колхоза, в том числе и дети колхозников. И все-таки молодежь находила способы, лишь бы уехать в город.

В ГОДЫ ИСПЫТАНИЙ

С началом Великой Отечественной войны жизнь резко ухудшилась. Из магазинов районного центра исчезли хлеб, крупы, соль, спички, керосин. Приходилось привыкать жить в потемках. Многие добывали огонь с помощью кресала. И самое тяжкое и непонятное до сих пор – карточки на хлеб колхозникам не выдавались, а резерва муки у сельчан не было. Люди питались картошкой и овощами. В тех семьях, где оставались небольшие запасы, выпекали хлеб, наполовину мешая муку с картошкой или свеклой. Работали же колхозники не щадя своих сил, чтобы снабжать фронт. А получали по 200 – 300 граммов зерна на трудодень.

В связи с массовой мобилизацией мужчин остро не хватало рабочих рук. К труду в колхозе стали активно привлекать подростков. Мне, например, приходилось работать подавальщиком сена на стога, бороновать пашню, пасти лошадей в ночном, быть грузчиком на отправке картофеля.

Однако, как ни старались, убрать весь урожай в первый год войны не удалось. Часть картошки осталась в земле. Весной, едва стаял снег, сельчане устремились на поле, выбирая сгнившие клубни. Крахмал стал подспорьем в скудном питании.

Не было ни одной автомашины. Основной тягловой силой оставались лошади. В первые же месяцы мобилизовали в армию большую и лучшую часть колхоз-

железнодорожную станцию Петровск. Одна из трех сброшенных бомб в щелки разнесла два штабных вагона воинского эшелона. Перепуганные колхозницы бежали с поля с криками: «Бабы, родимые, Петровск бомбят!» Мы же, подростки, не очень-то испугались: возобладало любопытство, и мы побежали на станцию, чтобы своими глазами увидеть, что там.

На месте бомбового удара валялись обрывки топографических карт, линейки, карандаши, какие-то штабные принадлежности – и никакой охраны у разбитых вагонов. Видимо, местное районное руководство еще находилось в шоке. А вскоре над Петровском низко-низко пролетел наш самолет, наверно, посланный успокоить петровчан после бомбежки, решили мы.

В октябре-ноябре сорок первого года в селе и соседних деревнях появились первые раненые фронтовики. Помню, с каким восторгом встретили сельчане нашего соседа по дому Алексея Надивечева, на груди которого сияла медаль «За отвагу». В деревню Голешево вернулся моряк Балтийского флота Павел Кириллов, в деревню Марчасово – Петр Савелов. Последние двое были молодыми, неженатыми, почти каждый вечер они приходили в наше село на гулянья. Особенно всех веселил гармонист Петр Савелов. Несмотря на суровое, тяжелое время, молодежь не падала духом, гремели русские кадрили, звучали частушки.

Весной сорок второго года отец, мобилизованный в армию несмотря на солидный возраст, позвал меня в Ярославль, чтобы проститься перед отправкой на фронт. От нас до Ярославля всего 80 километров, но денег на поездку не было. Ехал «зайцем» в битком набитом пассажирском поезде, прибывшем в Ярославль поздним вечером. Идти мне было некуда, оставалось провести время до рассвета на вокзале. Но когда я туда зашел, то буквально обмер: перед моими глазами пятнадцатилетнего мальчишки предстала жуткая картина – весь зал ожидания был до отказа заполнен людьми-теня-